

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444

УДК 159.9

Исследовательская статья

Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России

А.И. Донцов¹, О.Ю. Зотова², Л.В. Тарасова²¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9²Гуманитарный университет,
Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. Сурикова, д. 24А oiambusheva@mail.ru

Аннотация. Вспышка коронавируса – глобальное событие, которое вышло за пределы национальных границ и охватило весь мир. Изучение социальных представлений о пандемии позволяет выявить проблемы, которые структурируют опыт людей в конкретном социальном контексте. Для выявления социальных представлений о коронавирусе проведено исследование на территории Свердловской области. Опрос респондентов проходил в период с 11 марта по 11 мая 2020 г. Сбор данных охватил два этапа: 1) когда в России в целом был подтвержден 31 случай заражения COVID-19, на территории Свердловской области таких случаев еще не было зафиксировано; 2) число заболевших в Свердловской области составляло 1952 чел., в стране – 221 344 чел. Для сбора эмпирического материала использовались методы свободных словесных ассоциаций и семантического дифференциала (В.Ф. Петренко), методика оценки психической активации Л.А. Курганского и Т.А. Немчина, анкетный опрос. Выявлено, что значимость проблемы коронавируса в разные периоды времени для респондентов различна. Ядро представления является устойчивым, согласованным и отражает результат информационного воздействия СМИ – «смерть», «паника», остается стабильным вне зависимости от времени и вовлеченности в пандемию респондентов. Потенциальная зона изменений выступает «приручением» знаний о коронавирусе, операционализацией содержания представления о коронавирусе на язык изменений в своей обыденной жизни – пандемия коронавируса понимается как «эпидемия гриппа», а введение необходимости самоизоляции – как «каникулы», возможность побыть «дома». Определение непосредственной аффективной реакции респондентов на слово-стимул «коронавирус» показало наличие эмоциональной напряженности и преобладание негативных переживаний респондентов при предъявлении данного стимула. Проведенное исследование показало, что в условиях пандемии, выступая основным источником информации и средством коммуникации, СМИ задают направление формирования представлений.

Ключевые слова: социальные представления, состояние безопасности, изоляция, пандемия, COVID-19, эмоциональные состояния

Благодарности и финансирование. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032-П) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Сегодня мир меняется, и трансформируются многие понятия. Особо изменения касаются понимания нами безопасности. Теперь люди знают, что прикосновение к вещам, пребывание с другими людьми и вдыхание воздуха в замкнутом пространстве может быть опасным. Степень осознания будет отличаться у разных людей, но оно никогда не исчезнет полностью ни у кого из тех, кто пережил 2020 г. Станет нормальным – уклониться от рукопожатия или прикосновения, как и постоянная дезинфекция рук. Парадокс онлайн-общения будет усилен: это создает больше дистанции, но и больше связей, так как люди будут чаще общаться с теми, кто находится все дальше физически и которые чувствуют себя в безопасности из-за этой дистанции. Бельгийский психолог Р. Хогенрад сказал, что «это как если бы мы без коммаса входили в неотмеченные территории нового исторического периода, для которого у нас все еще нет слова, чтобы назвать его» (Hogenraad, 2017. Р. 2), но нельзя отрицать, что ключевой проблемой является обеспечение безопасности. Сегодня, как и раньше, люди не знают, где они, кто они и где им место: «Нам не хватает концепций, чтобы усвоить то, что мы испытали» (Musil, 1990. Р. 117).

По мере того как число смертей от этой болезни растет во всем мире, становится все более важным понимание восприятия коронавируса обществом. Текущие правительственные меры варьируются от социальной дистанции и рекомендаций по гигиене (например, Швеция) до полной изоляции населения (например, Италия, Израиль). Тем не менее из прошлых пандемий мы знаем, что успех политики, направленной на замедление быстрой передачи высокоинфекционных заболеваний, зависит, в том числе и от того, насколько точные представления люди имеют о личностных и общественных факторах риска. Фактически, поведение людей может существенно влиять на распространение пандемии (Reluga, 2010; Van Bavel et. al., 2020). Оценка самого факта пандемии является важным условием, определяющим готовность общественности сотрудничать и принимать защитные меры для здоровой модели поведения (Bish, Michie, 2010; Poletti et al., 2011; Rudisill, 2013). Другими словами, социальные представления в период пандемии имеют решающее значение для эффективного управления обществом.

Пандемия меняет мир, новый вирус уже изменил наши отношения с правительством, с внешним миром и даже друг с другом. «Люди теряются в водовороте событий, чувствуют давление со стороны окружающего мира и не уверены в своем будущем и безопасности своей жизни» (Zinchenko, Zotova, 2014. Р. 51). Население в большинстве стран, затронутых пандемией, изменило свою активность и образ жизни. Коллективные представления о настоящем уже изменились. Если сохранится опасность, которую коронавирус представляет для здоровья как отдельных людей, так и для общественного здравоохранения, люди будут вынуждены пересмотреть саму концепцию своей жизни.

Но, с другой стороны, кризисные моменты также открывают новые возможности: более гибкое использование технологий, меньшая поляризация, переоценка простых удовольствий в жизни. На самом деле чрезвычай-

ный шок, вызванный пандемией коронавируса, может привести к ряду позитивных последствий. В частности, сценарий «общего врага», когда общество сталкивается с общей внешней угрозой. COVID-19 представляет нам грозного врага, который не различает цвет кожи, уровень дохода и семейное положение. Также, хотелось бы верить в то, что социальные потрясения будут способствовать более конструктивным моделям взаимодействия в нашем обществе.

По мнению П. Словича «риск не существует независимо от нашего ума и культуры» (Slovic, 1992. P. 121). Действительно, большой объем исследований, проведенных за последние десятилетия, показал, что восприятие эпидемий является субъективной психологической конструкцией, на которую влияют когнитивные, эмоциональные, социальные, культурные и индивидуальные различия как между людьми, так и между разными странами (Leiserowitz, 2006; Slovic, 2010; Linden, 2015, 2017).

По сравнению с другими областями науки, например, такими как экология, сегодня гораздо меньше известно о том, как люди воспринимают риски, связанные с возникающими инфекционными заболеваниями (Zwart et al., 2009). Большинство доказательств восприятия пандемий были получены в ходе исследований, проведенных во время пандемии свиного гриппа H1N1 в 2009 году (Prati et al., 2011; Rudisill, 2013; Fischhoff et al., 2018) и вспышки лихорадки Эболы (Prati, Pietrantonio, 2016; Yang, Chu, 2018). Хотя эти исследования внесли большой вклад в изучение особенностей восприятия пандемий, однако они основаны на единичных измерениях, не затрагивая изменений в восприятии пандемии во времени.

Социальные представления чаще всего фокусируются на явлениях, которые становятся предметом споров, конфликтов, чрезвычайных ситуаций и меняют коллективное мышление в обществе. Социальные представления – это сети понятий, образов и чувств, которые разделяются между членами общества (Moscovici, 1988). Также, социальные представления выполняют стабилизирующую функцию эмоциональных состояний людей в условиях социальной нестабильности современного общества (Емельянова, 2001).

Представления во многом опираются на социокультурные, исторические и групповые нормы. В контексте путаницы, порожденной пандемией, люди ориентированы на выработку взаимопонимания, которое устанавливает прочные ориентиры, с помощью которых они могут приспособиться к ситуации. Исследования показывают, что поиск объяснений, объясняющих причину произошедшего, чаще стимулируется негативными и неожиданными событиями (Försterling, 2001), когда нарушается состояние безопасности. Объяснение социальных событий является одним из центральных механизмов, с помощью которых мы ориентируемся в мире. Люди призваны – неявно как социальные субъекты и явно как граждане – объяснить проблемы, с которыми сталкивается общество (Hewstone, 1989). Представленные объяснения имеют весомые последствия, определяя, кто несет ответственность за решение проблем и какие меры считаются необходимыми для этого. Поэтому раскрытие непростой эпистемологии социальных проблем является важнейшей задачей в понимании современной действительности.

Проблемы, типичные для периода, затрагивающего пандемию коронавируса, определяется рядом отличительных черт.

Во-первых, это глобальное событие, которое вышло за пределы национальных границ и охватило весь мир. Сегодня инфекционные болезни распространяются по планете намного быстрее, чем когда-либо прежде. Вспышка или эпидемия заболевания в одной части света всего лишь через несколько часов становится неминуемой угрозой где-то еще (Прентис, Рейндерс, 2007).

Во-вторых, пандемия как процесс, невидима и недоступна для непосредственного восприятия. «...пандемия непредсказуема. И совершенно невидима. В отличие от войны она не порождает инфраструктуру, не разрушает здания. Она атакует только живое... Она сметает все на своем пути» (Тилье, 2016. С. 189).

В-третьих, понимание происхождения и развития пандемии требует специальных знаний. Люди полагаются на экспертов, правительство, СМИ для понимания и характеристики события. Поскольку человек не может непосредственно воспринимать масштабы и угрозы пандемии, единственный способ «узнать» проблему – это посредничество с другими людьми, включая экспертов и СМИ. Однако, необходимо учитывать то, что экспертные высказывания пересматриваются, перерабатываются, а иногда встречают активное сопротивление (Jovchelovitch, 2008), и этот процесс обусловлен как значимыми социальными интересами, так и индивидуальными когнитивными искажениями. Исследование Э. Йоффе и ее коллег, посвященное изучению общественного восприятия метициллинрезистентного золотистого стафилококка (МРЗС), устойчивого к больничной инфекции выявило, что общепринятое медицинское объяснение МРЗС – чрезмерное использование антибиотиков – как правило, игнорировалось в пользу объяснений, основанных на идеях грязных больниц, персонала и структурных проблем в Национальной службе здравоохранения (Joffe et al., 2011). Таким образом, люди обращаются к новой проблеме не «с чистого листа», а через призму существующих наборов мировоззрений и репрезентаций, что приводит к объяснениям, которые включают более широкий круг вопросов, чем обычно встречаются в экспертных оценках.

Как писал историк Джон Бэрри в своей книге «Великий грипп: история самой смертоносной пандемии в истории» – хроника пандемии гриппа 1918 г., в которой погибло около 50 млн человек во всем мире, – главный урок этой катастрофы заключается в том, что «те, кто у власти, должны сохранять доверие общества, и способ сделать это – ничего не искажать, ничто не изображать с лучшей стороны, никем не пытаться манипулировать» (Barry, 2004. Р. 461).

В связи с вышесказанным изучение социальных представлений о пандемии позволяет выявить проблемы, которые структурируют опыт людей в конкретном социальном контексте. Мало того, социальные представления не являются «статичной» структурой знаний, а подкрепляются социальными и эмоциональными мотивами. Центральной мотивационной основой социального репрезентативного процесса является защита личности (Howarth, 2002). Социальные представления «являются результатом социально-когнитивных процессов, которые люди используют для понимания своей социальной сре-

ды и придания ей значения» (Moliner, Bovina, 2019). Функции идентичности социальных репрезентаций становятся особенно очевидными, когда сообщество сталкивается с угрожающим явлением. Исследования показывают, что в таком случае нарушение состояния безопасности часто проецируется на «другого» или внешнюю группу, тем самым защищая себя от вины или символического загрязнения. Э. Йоффе показала, как в разгар эпидемии ВИЧ/СПИДа символизация болезни как «чумы геев» служила для того, чтобы отдалить большинство от самой угрозы и от ее социального осуждения (Joffe, 1999).

По мнению С. Драйхерст и ее коллег, люди, которые имели непосредственный личный опыт общения с вирусом, ощущают больший страх и беспокойство по сравнению с теми, кто не имел непосредственного опыта (Dryhurst et al., 2020). Люди, которые получили информацию о вирусе от семьи и друзей, воспринимают большую опасность по сравнению с теми, кто этого не делал. А опыт работы с вирусом помогает интерпретировать ситуацию как более конкретную и более близкую к себе и, таким образом, повышает вероятность конструктивного поведения (Торе, Liberman, 2010).

Существующие исследования эпидемий показывают, что, хотя восприятие опасности, связанной с азиатским гриппом, было выше в Азии, чем в Европе, воспринимаемый риск не был высоким. Авторы предполагают, что это связано с прошлым опытом знакомства с эпидемией атипичной пневмонии, что повысило убежденность в том, что новые пандемии можно контролировать (Zwart et al., 2007). Поэтому информация о существующей опасности для здоровья становится наиболее эффективной, когда она включает в себя меры, разработанные для защиты людей от заболевания (Witte et al., 2001; Bish, Michie, 2010). А вера в эффективность рекомендуемого поведения для защиты от заболевания является важным предиктором конструктивного поведения во время эпидемий (Bish, Michie, 2010).

Лонгитюдное исследование Н. Брюэра и его коллег показало, что участники с более высоким начальным восприятием опасности заболевания имели гораздо больше шансов получить прививку от болезни Лайма, чем участники с более низким восприятием риска. А вакцинация привела к тому, что люди, вакцинированные правильно, считали, что их риск будущей инфекции был ниже, чем у людей, не вакцинированных (Brewer et al., 2004).

По мнению Б. Фишхоффа и его коллег, изучавших последствия лихорадки Эбола, суждения об опасности заболеть были слабо связаны с полом, возрастом, образованием, доходом или политической идеологией. Более образованные и более состоятельные респонденты считали, что риски для населения ниже; женщины воспринимали их как более высокими. Более политически консервативные респонденты считают Эболу более передаваемой и выражают меньшую поддержку политике общественного здравоохранения. В целом респонденты поддержали предоставление честной и точной информации, даже если эта информация беспокоит людей (Fischhoff et al., 2018).

За последний год в мире пандемия COVID-19 изучается всеми научными направлениями, в стороне не осталась и психологическая наука. Однако в рамках теории социальных представлений исследований проводилось не так и много. Х. Писарро и его коллеги анализируют распространенность социальных представлений о пандемии COVID-19 в 17 странах Америки,

Европы и Азии, а также их связь с воспринимаемым риском и его привязкой к социально-политическим убеждениям (Pizarro et al., 2020). Психологи из Франции и Бразилии изучают процессы социальных коммуникаций вокруг COVID-19 в своих странах (Apostolidis et al., 2020; Justo et al., 2020). К. Ситто и Э. Любинга проанализировали сообщения южноафриканских онлайн-СМИ о социальных репрезентациях COVID-19 (Sitto, Lubinga, 2020). Ученые из Италии провели исследования, которые были направлены на анализ структуры и содержания социальных представлений о коронавирусе SARS-CoV-2, уделяя особое внимание социально сконструированным значениям, чтобы понять, каким образом пандемия COVID-19 будет формировать коллективное сознание в мире (Coli et al., 2020; Fasanelli et al., 2020; Emiliani et al., 2020).

Впервые случаи инфекции COVID-19 были зарегистрированы на территории России 31 января 2020 года, и вирус очень быстро распространился по всей стране (Калюков, 2020). В Свердловской области на конец февраля 2021 года было выявлено более 77 000 случаев заражения коронавирусной инфекцией (Информационный бюллетень..., 2021).

В мае 2020 г. фонд «Социум» провел опрос среди жителей Екатеринбурга, чтобы выяснить, как они переживают пандемию и боятся ли уже выходить на работу. По результатам исследования, 38 % работающих горожан боялись заразиться коронавирусом на работе. При этом треть из них уже находились на своих рабочих местах, а остальные или работали на удаленке, или вынужденно не работали. Испытывали стресс из-за перспективы выхода на работу 47 % тех, кто работал из дома, так как видели в этом опасность заражения.

Не испытывали опасений примерно столько же – 39 % работающих горожан. Из них 24 % считали, что шансы заразиться невелики, а 9 % и вовсе не верили в реальность COVID-19. «Интересно, что таких ковид-диссидентов вдвое больше среди людей среднего возраста (34–54 лет – 12 % не верят в коронавирус), чем среди более молодых и более пожилых горожан (5–6 % в этих группах). Мужчины почти вдвое чаще, чем женщины, бравировуют неверием в коронавирус, чаще об этом заявляют также жители города с низким уровнем образования, рабочие (Отношение населения..., 2020).

Целью проведенного эмпирического исследования выступило изучение социальных представлений о коронавирусе в начале пандемии на территории Свердловской области. Исследование носило поисковый характер.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**: 1) выявить степень актуальности переживаний исследуемых респондентов по поводу коронавируса; 2) выявить структуру представления о коронавирусе; 3) определить факторы, лежащие в основе восприятия респондентами нового коронавируса; 4) определить предикторы чувства безопасности у респондентов в начале пандемии.

Процедура и методы исследования

Процедура. Для выявления социальных представлений о новом коронавирусе было проведено исследование на территории Свердловской области. Опрос респондентов проводился в период с 11 марта по 11 мая 2020 г. Таким образом, сбор данных проходил в **два этапа**:

1) с 11 по 25 марта 2020 г. 11 марта 2020 Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавируса (WHO Director-General's opening remarks., 2020). На тот момент в России в целом был подтвержден 31 случай заражения COVID-19, на территории Свердловской области таких случаев еще не было зафиксировано. Конец данного этапа отмечен 25 марта 2020 г., когда президент РФ В.В. Путин объявил нерабочие дни с 30 марта 2020 г. и призвал жителей страны к самоизоляции. На тот момент времени в стране было зафиксировано 658 заболевших, в Свердловской области – 20 чел.;

2) с 25 марта по 11 мая 2020 г. На момент завершения сбора данных от респондентов на территории Свердловской области еще сохранялись ограничительные меры (отмена массовых мероприятий, приостановление работы предприятий, создание условий для социального дистанцирования, обязательная самоизоляция для людей старше 65 лет, масочный режим, соблюдение санитарных правил). Число заболевших в Свердловской области составляло на тот момент 1952 человека, в стране – 221 344 чел.

На первом этапе исследования сбор данных осуществлялся в очной форме, путем опроса и предъявления респондентам бланковых форм. На втором этапе организация сбора данных была изменена в связи с введением ограничительных мер. Для сбора данных была создана электронная форма, которая была размещена в свободном для заполнения доступе на ресурсах Гуманитарного университета. Кроме того, ссылка на заполнение данной формы была разослана по электронной почте респондентам, ранее принимавшим участие в исследовательских проектах университета. Таким образом, выборка исследования формировалась стихийно (опрашивались доступные респонденты, выразившие согласие на участие в исследовании).

Методики. Методами сбора эмпирического материала выступил метод словесных ассоциаций, метод семантического дифференциала (В.Ф. Петренко), «Методика оценки психической активации» Л.А. Курганского и Т.А. Немчина, метод анкетного опроса.

Для выявления *ассоциативных элементов*, респондентам была предложена инструкция: «Запишите все ассоциации, которые возникают у вас, когда вы слышите «коронавирус»». После завершения перечисления всех возникших ассоциаций респондентам была дана дополнительная инструкция: «Отметьте плюсом те ассоциации, которые сопровождаются положительными эмоциями, а минусом – те ассоциации, которые сопровождаются отрицательными эмоциями». Данная инструкция была необходима для последующей оценки эмоциональной нейтральности и полярности исследуемого представления в сознании респондентов. Ассоциативная методика предъявлялась респондентам в первую очередь, после нее предъявлялся семантический дифференциал.

Семантический дифференциал В. Ф. Петренко включает в себя 41 переменную, выраженность каждой применительно к объектам нужно оценить по 7-балльной шкале. В качестве объектов оценивания выступили крупные неблагоприятные события и явления экологического, экономического, социального, техногенного и пр. характера, имеющие влияние на макрорегиональном уровне. Семантический дифференциал содержал следующие объекты оценивания: «Финансовый кризис»; «Терроризм», «Глобальное потепле-

ние», «Вирус иммунного дефицита человека (ВИЧ)», «Коронавирус», «Авария на АЭС «Фукусима-1».

Полученные результаты были обработаны с использованием прототипического анализа по П. Вержесу (Vergès, 1992), эмоционального индексирования ассоциаций по Е.Е. Прониной (Пронина, 2002) для оценки непосредственной аффективной реакции респондентов на слово-стимул – «коронавирус». То есть была проведена оценка уровня напряженности психики при предъявлении данного стимула посредством определения индекса нейтральности и индекса полярности на основе анализа позитивных, негативных и нейтральных эмоций, приписываемых респондентами своим ассоциациям. *Индекс нейтральности* (ИН) оценивался по формуле

$$\text{ИН} = \frac{\text{нейтральные асс.} - (\text{позитивные асс.} + \text{негативные асс.})}{\text{общее число ассоциаций}}$$

Индекс полярности (ИП) определялся по формуле

$$\text{ИП} = \frac{\text{позитивные ассоциации} - \text{негативные ассоциации}}{(\text{позитивные ассоциации} + \text{негативные ассоциации})}$$

Кроме того, для анализа ассоциаций был использован частотный и контент-анализ, количественные данные были обработаны посредством множественного регрессионного анализа (метод шагового отбора), факторного анализа с использованием SPSS 20.0.

Выборка. Общее число респондентов, принявших участие в исследовании – 168 чел. На первом этапе сбора данных (группа 1) были получены результаты 46 респондентов, на втором (группа 2) – 122 респондентов (табл. 1). Группы сравнения по составу респондентов не пересекались. Отсутствие заболевших в своем окружении отметили 55,8 % респондентов, 28,8 % – не знают о таких случаях и 15,4 % – имеют заболевших в своем окружении.

Таблица 1 / Table 1

Характеристики исследуемой выборки / Characteristics of the sample

Характеристика / Characteristic	Группа 1 / Group 1	Группа 2 / Group 2
Возраст / Age	M = 44,5; SD = 10,56	M = 38,2; SD = 13,12
Мужчины / Males	30,43 %	31,96 %
Женщины / Females	69,57 %	68,03 %

Необходимо отметить, что респонденты старше 65 лет составляют 5 % от общего числа выборки.

Результаты

Для того чтобы выявить степень актуальности переживаний респондентов по поводу коронавируса респондентам, участвующим в исследовании, в первую очередь был задан вопрос «Что Вас сейчас волнует больше всего?». При помощи контент-анализа представленных ответов удалось выявить факторы, вызывающие наибольшее беспокойство у респондентов на момент проведения исследования (рисунок).

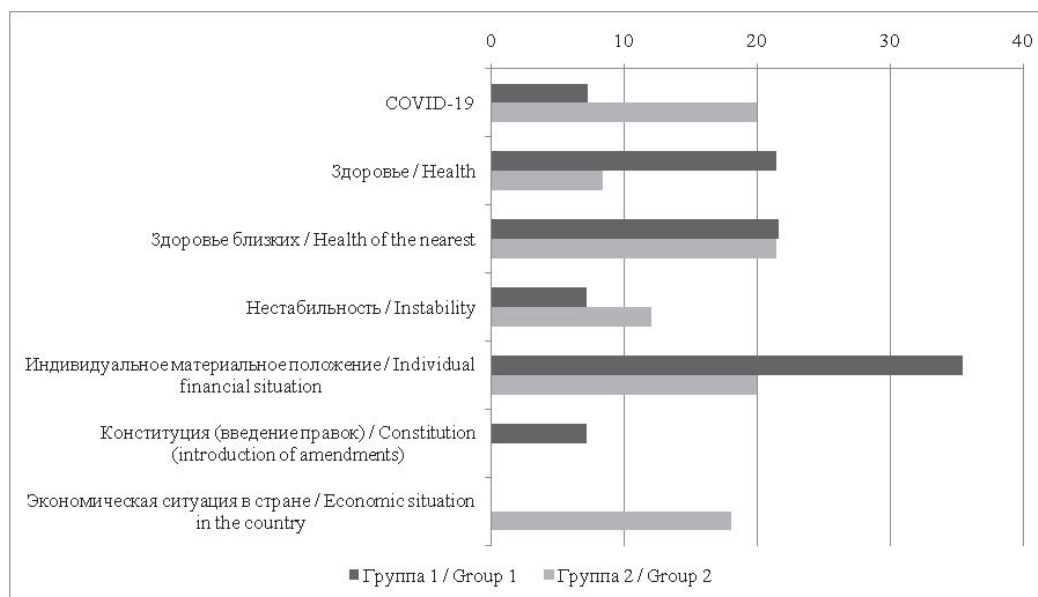

Рис. Выраженность факторов, вызывающих наибольшее беспокойство у респондентов на момент проведения исследования, % /
Figure. The Intensity of the factors causing the greatest concern among the respondents at the time of the survey

Обращает на себя внимание, что для респондентов первой и второй группы общими факторами являются «коронавирус», «здоровье», «здоровье близких», «нестабильность», и «индивидуальное материальное положение». Однако выраженность данных факторов в группах различна: по мере развития пандемии большее беспокойство у респондентов начинает вызывать ситуация нестабильности, неясности и экономическая ситуация в стране. В ситуации же фактического отсутствия проявлений пандемии (менее 20 заболевших во всей области) респонденты в большей степени беспокоятся о здоровье своем и близких людей, своем материальном положении («маленькая зарплата», «растут цены» и пр.) и актуальным является вопрос – введение поправок в Конституцию РФ. При этом беспокойство по поводу коронавируса выражается только в самом его наличии: респонденты о данном факторе заявляют односложно – «коронавирус». В то время, как по мере развития ситуации респонденты содержательно расширяют данный фактор: появляются «люди, гуляющие на улице с детьми без масок», «распространение вируса», «отсутствие средств защиты». Кроме того, со временем совершенно выпадает из поля внимания респондентов введение поправок в Конституцию РФ, но появляется беспокойство по поводу экономической ситуации в стране («как страна выйдет из этой ситуации», «действия правительства по стабилизации экономики и поддержке здравоохранения», «экономическая ситуация в стране после пандемии» и т. д.).

С помощью метода словесных ассоциаций респондентов всей выборочной совокупности (168 чел.) в ходе эмпирического исследования было получено 537 ассоциаций на понятие «коронавирус», что в среднем составляет 3,2 ассоциации на респондента. Словарь понятий составил 125 различных слов и словосочетаний. В зону ядра и периферии представления о коро-

навирине вошли 274 ассоциации (51 % от общего числа ассоциаций, высказанных респондентами).

Анализ содержания ядра представления о коронавирусе свидетельствует о том, что ключевыми характеристиками данного явления в сознании респондентов являются «болезнь», «смерть» и «изоляция» (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Структура представления о коронавирусе / The representation structure of the coronavirus

Элементы структуры представления / Elements of the representation structure	Понятия-ассоциации (в скобках рядом с каждым понятием указаны их частота встречаемости и средний ранг) / Notions-associations (the numbers in parentheses next to each notion indicate the frequency of occurrence and average rank)
Зона ядра социального представления / Core zone of social representation	Болезнь / Disease (39; 1,77) Смерть / Death (33; 2,27) Изоляция / Isolation (45; 2,40) Опасность / Danger (29; 1,11) Паника / Panic (27; 2,11)
Потенциальная зона изменений представления / Potential alteration zone of representation	Эпидемия / Pandemic (9; 2,0) Грипп / Flu (9; 1,07) Ложь / Lie (9; 1,54) Тревога / Anxiety (10; 2,11) Страх / Fear (21; 3,29) Беспомощность / Helplessness (12; 1,20) Каникулы / Vacation (30; 3,22) Дома / At home (18; 3,33) Кризис / Crisis (18; 3,67)
Собственно периферическая система представления / The actual peripheral system of the representation	Карантин / Quarantine (12; 2,50) Безработица / Unemployment (12; 3,50) Маска / Face-cloth cover (9; 4,05) Риск / Risk (9; 3,67) Китай / China (12; 3,75) Безответственность / Irresponsibility (9; 4,12) Ограничение / Restrictions (12; 4,50)

Зону ядра образуют те элементы, которые имеют высокую частоту встречаемости (больше медианы частоты всех включенных в анализ ассоциаций) и низкий ранг (меньше среднего ранга всех включенных в анализ ассоциаций). В зоне ядра располагаются стереотипы и прототипы, ассоциирующиеся с объектом. Содержание ядра социальных представлений обусловлено историческими, социальными и идеологическими условиями существования группы.

Потенциальную зону изменения представляют элементы, важные по частоте упоминания или по рангу. Эта часть является источником потенциального изменения и трансформации представления. В эту часть входят элементы, высказанные меньшинством, но в первую очередь, а также высказанные значительным числом респондентов, но не в первую очередь. В периферическую систему входят наименее важные ассоциации, разделяемые наибольшим числом респондентов, т. е. ассоциации с высоким рангом и низкой частотой.

Необходимо отметить, что содержание ядра представления оказалось постоянным для первой и второй групп респондентов. То есть вне зависимости от срока пандемии, элементы ядра представления остаются стабильными. Обнаружены следующие различия в двух группах респондентов: элемент периферической системы представления «Китай» в большей степени

характерен для первой группы, а для второй – «безработица», «ложь» и элемент, не вошедший в структуру представления – «надоело».

Кроме того, на основе анкетного опроса респонденты были поделены на группы по наличию заболевших коронавирусом в их окружении (место работы/непосредственное место проживания). Ответили, что не имеют заболевших в своем окружении, 55,8 % респондентов, 28,8% – не знают о таких случаях и 15,4% имеют заболевших в своем окружении. Дальнейший анализ позволил установить, что элементы представления «риск», «безответственность» и «ложь» характерны в большей степени для респондентов, имеющих в своем окружении заболевших.

Для оценки непосредственной аффективной реакции респондентов на слово-стимул – «коронавирус» было проведено эмоциональное индексирование ассоциаций (по Е.Е. Прониной). То есть была проведена оценка уровня напряженности психики при предъявлении данного стимула посредством определения индекса нейтральности и индекса полярности.

Определение индекса нейтральности дало следующие результаты: для стимула «коронавирус» ИН = $-0,824$. Полученное значение индекса можно интерпретировать как повышенную силу эмоций и тенденцию к аффекту у респондентов в отношении восприятия ими изучаемого явления. Установлено, что подобное эмоционально напряженное восприятие приводит к снижению адекватности осмысления получаемой информации (Пронина, 2002). При этом для респондентов группы 1 характерно более напряженное восприятие (ИН = $-0,862$), чем для респондентов группы 2 (ИН = $-0,786$). Для определения направления данной эмоциональной реакции был определен индекс полярности эмоций. Для стимула «коронавирус» ИП = $-0,59$, то есть в отношении данного явления у респондентов преобладают негативные чувства. Здесь обнаружена та же тенденция: у респондентов группы 1 в отношении коронавируса возникают более сильные негативные чувства (ИП = $-0,72$), нежели у респондентов группы 2 (ИП = $-0,46$). Исходя из схемы анализа и интерпретации результатов, предложенной автором методики Е.Е. Прониной, полученные данные свидетельствуют о наличии у респондентов эмоциональной напряженности и преобладании негативных переживаний, что, по мнению автора методики, составляет серьезное препятствие в адекватном осмыслении респондентами информации, получаемой в отношении изучаемого объекта, в данном случае – коронавируса.

На следующем этапе анализа была проведена факторизация массива данных, полученных при помощи семантического дифференциала. Был применен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с варимакс-вращением и нормализацией Кайзера. В результате факторного анализа данных совокупной выборки было выделено 5 факторов с общей объясненной дисперсией – 99,800 %. То есть при оценке крупных неблагоприятных событий и явлений, имеющих влияние на макрорегиональном уровне, респонденты опираются, прежде всего, на 5 факторов. Все пять выделенных факторов являются биполярными. Для обеспечения наглядности представляемых результатов в табл. 3 приведены переменные, имеющие наибольшую факторную нагрузку в каждом из факторов. При этом в результате дан-

ного анализа отсутствуют переменные, имеющие незначительную (менее 0,3) факторную нагрузку по всем пяти факторам.

Таблица 3 / Table 3

Факторы оценки крупных неблагоприятных событий и явлений, имеющих влияние на макрорегиональном уровне / Factors for assessing major adverse events and phenomena having an impact at the macro-regional level

Переменные с высокими факторными нагрузками, входящие в фактор / Variables with high factor loadings included in the factor		Координаты дескрипторов в пространстве фактора / Coordinates of descriptors in factor space	
<i>Фактор 1 (29,416%) «Единичность» / Factor 1 (29.416%) "Singularity"</i>			
Редкое / Rare	0,965	Авария на АЭС «Фукусима-1» / Fukushima Daiichi nuclear disaster	1,404
Единичное / Single	0,913	Глобальное потепление / Global warming	0,823
Единое / Shared	0,893	Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) / Human immunodeficiency virus (HIV)	0,330
		Коронавирус / COVID-19	-0,672
		Терроризм / Terrorism	-0,869
Упорядоченное / Ordered	-0,891	Финансовый кризис / Financial crisis	-1,017
<i>Фактор 2 (26,453 %) «Опасность» / Factor 2 (26.453%) "Danger"</i>			
Опасное / Dangerous	0,911	Авария на АЭС «Фукусима-1» / Fukushima Daiichi nuclear disaster	1,397
Грубое / Rude	0,726	Терроризм / Terrorism	0,787
Жестокое / Tough	0,698	Финансовый кризис / Financial crisis	0,283
		Коронавирус / COVID-19	-0,361
		Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) / Human immunodeficiency virus (HIV)	-1,016
Приятное / Pleasant	-0,886	Глобальное потепление / Global warming	-1,089
<i>Фактор 3 (21,331 %) «Устойчивость» / Factor 3 (21.331%) "Sustainability"</i>			
Неограниченное / Unlimited	0,968	Коронавирус / COVID-19	1,556
Устойчивое / Sustainable	0,634	Терроризм / Terrorism	0,358
		Авария на АЭС «Фукусима-1» / Fukushima Daiichi nuclear disaster	0,113
		Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) / Human immunodeficiency virus (HIV)	-0,170
		Глобальное потепление / Global warming	-0,345
Кратковременное / Short-term	-0,722	Финансовый кризис / Financial crisis	-1,513
<i>Фактор 4 (13,314 %) «Естественность» / Factor 4 (13.314%) "Naturality"</i>			
Здоровое / Healthy	0,959	Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) / Human immunodeficiency virus (HIV)	1,688
Чистое / Clean	0,748	Терроризм / Terrorism	0,537
		Авария на АЭС «Фукусима-1» / Fukushima Daiichi nuclear disaster	-0,026
		Финансовый кризис / Financial crisis	-0,448
		Коронавирус / COVID-19	-0,623
Большое / Big	-0,797	Глобальное потепление / Global warming	-1,129
<i>Фактор 5 (9,486%) «Открытость» / Factor 5 (9.486%) "Openness"</i>			
Страстное / Passionate	0,896	Терроризм / Terrorism	1,541
Жестокое / Cruel	0,647	Глобальное потепление / Global warming	0,954
		Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) / Human immunodeficiency virus (HIV)	-0,384
		Коронавирус / COVID-19	-0,480
		Финансовый кризис / Financial crisis	-0,751
		Авария на АЭС «Фукусима-1» / Fukushima Daiichi nuclear disaster	-0,880

Поскольку ключевым переживанием в связи с коронавирусом у респондентов выступило переживание опасности («опасность» является элементом ядра представления о коронавирусе), необходимо рассмотреть особенности данного переживания в период пандемии. Для выявления предикторов, обуславливающих состояние безопасности у респондентов в период пандемии, был проведен множественный регрессионный анализ (метод – шаговый отбор), результаты которого представлены в табл. 4. В качестве независимых переменных выступили следующие переменные: пол респондентов, возраст респондентов, образование респондентов, период пандемии, наличие/отсутствие в непосредственном окружении заболевших коронавирусом, а также параметры состояния респондентов (психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность – показатели методики Л.А. Курганского и Т.А. Немчина). В качестве зависимой переменной «Чувство безопасности» были использованы оценки респондентами степени своей безопасности по 7-балльной шкале.

Таблица 4 / Table 4

Регрессионная модель зависимой переменной «Чувство безопасности» /
Regression model of the dependent variable 'Sense of Security'

R^2	Скорректированный R^2 / Adjusted R^2	F	Предикторы / Predictors	β	t	p -value
0,324	0,202	8,972	Психическая активация / Mental activation	0,309	3,818	0,000
			Период пандемии / Pandemic period	0,243	2,993	0,003

Примечание: R^2 – коэффициент детерминации, равный доле дисперсии переменной «Чувство безопасности», обусловленной влиянием независимых переменных; F – F статистика Фишера, оценивающая значимость уравнения регрессии; β – стандартные коэффициенты регрессии, отражающие относительную степень влияния каждого из предикторов; t – отношение нестандартизованного коэффициента к своей стандартной ошибке; p -value – величина p -уровня значимости, вероятность случайности полученного результата.

Note: R^2 – the determination coefficient equal to the portion of the variance of the variable 'Sense of security' due to the influence of the independent variables; F – Fisher statistics evaluating the significance of the regression equation; β – the standard regression coefficient reflecting the relative degree of the impact of each of the predictors; t – the ratio of the non-standardized coefficient to its standard error; p -value – the value of the p -level of significance, the probability of the result randomness.

Полученная модель свидетельствует, что 20,2 % дисперсии переменной «Чувство безопасности» обусловлены влиянием только двух выделенных предикторов: психическая активация и период пандемии. Причем обе переменные связаны с чувством безопасности прямой, не обратной связью.

Обсуждение результатов

Развитие пандемии изменяет фокус внимания респондентов: актуальными становятся ранее не рассматриваемые проблемы («экономическая ситуация в стране»), а иные, наоборот утрачивают свою актуальность. Увеличение значимости для населения экономических вопросов в ходе пандемии отмечено и в ежегодном опросе Stress in America, проводимом Американской психологической ассоциацией (Stress in America, 2020). Кроме того, значимость и самой проблемы коронавируса в разные периоды времени для респондентов различна.

Представление о коронавирусе у исследуемой выборки главным образом сформировано в результате воздействия средств массовой информации, поскольку к моменту начала исследования на территории всей Свердловской области не было зафиксировано случаев заражения, а к моменту завершения сбора данных – 1952 чел. при общей численности населения Свердловской области 4 310 681 чел.

Анализируя структуру представления о коронавирусе, можно отметить, что ядро представления является устойчивым, согласованным и как раз отражает результат информационного воздействия СМИ – «смерть», «паника». Данные элементы не представлены в непосредственном опыте респондентов в виду отмеченной выше статистики заболеваний в области. Потенциальная зона изменений выступает, «приручением» знаний о коронавирусе, операционализацией содержания представления о коронавирусе на язык изменений в своей обыденной жизни. Так, пандемия коронавируса понимается как «эпидемия» «гриппа», введение необходимости самоизоляции – как «каникулы», возможность побыть «дома». При этом, в данной же зоне описываются эмоциональные переживания, вызванные текущей ситуацией – «тревога», «страх», «беспомощность». Данные переживания могут быть обусловлены состоянием неизвестности/неопределенности, которое респонденты в опросе отмечали в качестве фактора, вызывающего их беспокойство в данный момент. Периферическая зона представления конкретизирует, дополняет зону потенциальных изменений.

Необходимо отметить, что если ядро представления остается стабильным вне зависимости от времени и вовлеченности в пандемию респондентов, т. е. вне зависимости от наличия или отсутствия в ближайшем окружении респондента заболевших, то именно в зоне потенциальных изменений и периферической можно отметить эти вариации.

Невозможность сенсорного восприятия риска заболевания и эмоционально отрицательное освещение средствами массовой информации нового коронавируса сформировало у респондентов состояние эмоциональной напряженности. Определение непосредственной аффективной реакции респондентов на слово-стимул – «коронавирус» показало наличие эмоциональной напряженности и преобладание негативных переживаний респондентов при предъявлении данного стимула. Однако по мере развития ситуации данная эмоциональная реакция смягчается, и респонденты, участвующие во втором этапе опроса, демонстрируют менее напряженное и негативное переживание. Этот результат находит свое подтверждение в том, что одним из предикторов чувства безопасности респондентов во время пандемии является период пандемии: с течением времени чувство опасности ослабляется и усиливается чувство безопасности.

В целом коронавирус воспринимается респондентами как повторяющийся (подобный свиному гриппу, птичьему гриппу и пр.), не очень опасный (радиация, терроризм и финансовый кризис опаснее), устойчивый, не кратковременный, не вполне естественный и имеющий скрытое воздействие (как при финансовом кризисе и воздействии радиации).

Согласно результатам исследования, основой чувства безопасности в период пандемии выступает возможность респондентов совершать активные действия, оставаться активным. В связи с этим ограничение активности, введение жестких ограничительных мер может усиливать ощущение небезопасности. Возможно, в этом заключается причина нарушений режима самоизоляции населением. В данном поведении проявляется попытка сломить чувство опасности, возникающее в результате бездействия, ограничений и невозможности влиять на ситуацию, и обрести чувство безопасности.

Проведенное исследование сочетало в себе количественный и качественный подход к изучению представлений. И хотя используемые в исследовании процедуры и выборка не были рассчитаны на получение данных, репрезентативных для России и мира в целом, но они позволяют проследить некоторые важные тенденции в структуре представлений и эмоциональных состояниях личности в период пандемии.

Полученные в ходе исследования результаты и сформированные идеи и выводы полезны для понимания того, как люди переживают такие экстремальные события как данная пандемия. Результаты могут быть полезны руководителям системы здравоохранения и политикам для лучшего согласования их рекомендаций и ресурсов в целях удовлетворения меняющихся потребностей населения в области психологического здоровья.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в условиях пандемии, выступая основным источником информации и средством коммуникации, массмедиа задают направление формирования представлений. Из потока сообщений массмедиа человек выбирает то, что его больше всего волнует, вкладывая полученную информацию в формирование своего представления о каком-либо феномене и о конкретной ситуации. В связи с этим нужно отметить, что именно СМИ имеют возможность создания у населения образа «правильного» поведения в ситуации пандемии. При этом необходимо помнить о таком психологическом феномене, как «эффект бумеранга» или «обратный эффект»: когда человека в чем-то убеждают слишком активно, он нередко начинает верить в обратное. Все это создает условия, в которых абсолютно правильные предупреждения врачей и представителей системы здравоохранения не дают эффекта или дают прямо противоположный эффект.

Перспективы исследования данной темы могут быть рассмотрены в нескольких направлениях: 1) обнаружение особенностей представлений о коронавирусе и переживаний личности в период пандемии у лиц, имеющих и не имеющих детей (поскольку в опросе Американской психологической ассоциации были выявлены специфические особенности у данных групп) (Stress in America, 2020); 2) изучение особенностей представлений о коронавирусе у лиц, имеющих профессиональные знания в области медицины и вирусологии в частности; 3) анализ связи представлений личности о коронавирусе и стратегий ее совладания с трудными ситуациями, защитными психологическими механизмами.

Список литературы

- Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Информационный бюллетень по заболеваемости новой коронавирусной инфекцией в Свердловской области на 16.06.2020 г. / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской области: официальный сайт. URL: <http://www.66.rospotrebнадзор.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).
- Калюков Е. В России выявили первых зараженных коронавирусом из Китая // РБК. 2020, 31 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308> (дата обращения: 20.02.2021).
- Отношение населения Екатеринбурга к ситуации самоизоляции и планам выхода из нее // Социум. 2020, май. URL: <https://fsocium.com/coronacrisis-plans/> (дата обращения: 20.02.2021).
- Прентис Т., Рейндерс Л.Т. Более безопасное будущее: глобальная безопасность в области общественного здравоохранения в XXI веке: доклад о состоянии здравоохранения в мире. Женева: Всемирная организация здоровья, 2007. 99 с.
- Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы: теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2002. 96 с.
- Тилье Ф. Пандемия. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
- Apostolidis T., Fatima Santos M. de, Kalampalikis N. Society Against Covid-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations). Pp. 3.1–3.14.
- Barry J.M. The Great Influenza: The Story of the Deadliest Pandemic in History. New York: Viking Press, 2004. 546 p.
- Bish A., Michie S. Demographic and Attitudinal Determinants of Protective Behaviours during a Pandemic: A Review // British Journal of Health Psychology. 2010. Vol. 15. No 4. Pp. 797–824. <https://doi.org/10.1348/135910710X485826>
- Brewer N.T., Weinstein N.D., Cuite C.L., Herrington J.E. Risk perceptions and their relation to risk behavior // Annals of Behavioral Medicine. 2004. Vol. 27. No 2. Pp. 125–130. https://doi.org/10.1207/s15324796abm2702_7
- Coli E., Norcia M., Bruzzone A. What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations). Pp. 7.1–7.29.
- Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., Bles A.M. van der, Spiegelhalter D., Linden S. van der. Risk perceptions of COVID-19 around the world // Journal of Risk Research. 2020. Vol. 23. No 7–8. Pp. 994–1006. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758193>
- Emiliani F., Contarello A., Brondi S., Palareti L., Passini S., Romaioli D. Social Representations of “Normality”: Everyday Life in Old and New Normalities with Covid-19 // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations). Pp. 9.1–9.36.
- Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I. Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations). Pp. 8.1–8.36.
- Fischhoff B., Wong-Parodi G., Garfin D.R., Holman E.A., Silver R.C. Public Understanding of Ebola Risks: Mastering an Unfamiliar Threat // Risk Analysis. 2018. Vol. 38. No 1. Pp. 71–83. <http://doi.org/10.1111/risa.12794>

- Försterling F.* Attribution: An introduction to theories, research and applications. Hove: Psychology Press, 2001. 256 p.
- Hewstone M.* Causal attribution: From cognitive processes to collective beliefs. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 332 p.
- Hogenraad R.* Smoke and mirrors: Tracing ambiguity in texts // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2017. Vol. 33. No 2. Pp. 297–315. <https://doi.org/10.1093/llc/fqx044>
- Howarth C.* Identity in whose eyes?: The role of representations in identity construction // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2002. Vol. 32. No 2. Pp. 145–162. <https://doi.org/10.1111/1468-5914.00181>
- Joffe H.* Risk and “the other”. Cambridge: University Press, 1999. 165 p.
- Joffe H., Washer P., Solberg C.* Public engagement with emerging infectious disease: The case of MRSA in Britain // *Psychology & Health*. 2011. Vol. 21. No 6. Pp. 667–683. <https://doi.org/10.1080/08870441003763238>
- Jovchelovitch S.* The rehabilitation of common sense: Social representations, science and cognitive polyphasia // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2008. Vol. 38. No 4. Pp. 431–448. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00378.x>
- Justo A.M., Silva Bousfield A.B. da, Giacomozzi A.I., Camargo B.V.* Communication, Social Representations and Prevention – Information Polarization on COVID-19 in Brazil // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations). Pp. 4.1–4.18.
- Leiserowitz A.* Climate Change Risk Perception and Policy Preferences: The Role of Affect, Imagery, and Values // *Climatic Change*. 2006. Vol. 77. No. 1–2. Pp. 45–72. <https://doi.org/10.1007/s10584-006-9059-9>
- Linden S. van der.* Determinants and Measurement of Climate Change Risk Perception, Worry, and Concern // *Oxford Research Encyclopedia of Climate Science* / ed. by M.C. Nisbet, M. Schafer, E. Markowitz, S. Ho, S. O’Neill, J. Thaker. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 1–49. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2953631>
- Linden S. van der.* The Social-Psychological Determinants of Climate Change Risk Perceptions: Towards a Comprehensive Model // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. Vol. 41. Pp. 112–124. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.11.012>
- Moliner P., Bovina I.* Architectural Forms of Collective Memory // *International Review of Social Psychology*. 2019. Vol. 32. No 1. Article 12. <http://doi.org/10.5334/irsp.236>
- Moscovici S.* Notes towards a description of social representations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol. 18. No 3. Pp. 211–250. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420180303>
- Musil R.* Precision and Soul: Essays and Addresses / ed. by B. Pike, D.S. Luft. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 329 p.
- Pizarro J.J., Cakal H., Méndez-Casas L., Costa S. da, Zumeta L., Gracia-Leiva M., Basabe N., Navarro-Carrillo G., Cazan A.-M., Keshavarzi S., López-López W., Yahiaiev I., Alzugaray-Ponce C., Villagrán L., Moyano-Díaz E., Petrovic N., Mathias A., Techio E., Wlodarczyk A., Alfaro-Beracochea L., Ibarra M.L., Psaltis C., Michael A., Mhaskar S., Martínez-Zelaya G., Bilbao M., Delfino G., Carvalho C., Pinto I., Mohsin F., Espinoza A., Cueto R.M., Cavalli S.* Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations). Pp. 2.1–2.38.
- Poletti P., Ajelli M., Merler S.* The Effect of Risk Perception on the 2009 H1N1 Pandemic Influenza Dynamics // *PLoS One*. 2011. Vol. 6. No 2. Article e16460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016460>
- Prati G., Pietrantonio L.* Knowledge, Risk Perceptions, and Xenophobic Attitudes: Evidence from Italy during the Ebola Outbreak // *Risk Analysis*. 2016. Vol. 36. No 10. Pp. 2000–2010. <https://doi.org/10.1111/risa.12537>

- Prati G., Pietrantonio L., Zani B. A Social-Cognitive Model of Pandemic Influenza H1N1 Risk Perception and Recommended Behaviors in Italy // *Risk Analysis*. 2011. Vol. 31. No 4. Pp. 645–656. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2010.01529.x>
- Reluga T.C. Game Theory of Social Distancing in Response to an Epidemic // *PLoS Computational Biology*. 2010. Vol. 6. No 5. Article e1000793. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000793>
- Rudisill C. How Do we Handle New Health Risks? Risk Perception, Optimism, and Behaviors regarding the H1N1 Virus // *Journal of Risk Research*. 2013. Vol. 16. No 8. Pp. 959–980. <https://doi.org/10.1080/13669877.2012.761271>
- Sitto K., Lubinga E. A Disease of Privilege? Social Representations in Online Media about Covid-19 among South Africans during Lockdown // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. No. 2 (Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations). Pp. 6.1–6.29.
- Slovic P. Perception of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm // *Theories of Risk* / ed. by D. Goldingand, S. Krimsky. New York: Praeger, 1992. Pp. 117–152.
- Slovic P. The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception. New York: Routledge, 2010. 456 p.
- Stress in America / American Psychological Association. 2020. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2020/report> (accessed: 20.02.2021).
- Trope Y., Liberman N. Construal Theory // *Psychological Review*. 2010. Vol. 117. No 2. Pp. 440–463. <https://doi.org/10.1037/a0018963>
- Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A., Cikara M., Crockett M.J., Crum A.J., Douglas K.M., Druckman J.N., Drury J., Dube O., Ellemers N., Finkel E.J., Fowler J.H., Gelfand M., Han S., Haslam S.A., Jetten J., Kitayama S., Mobbs D., Napper L.E., Packer D.J., Pennycook G., Peters E., Petty R.E., Rand D.G., Reicher S.D., Schnall S., Shariff A., Skitka L.J., Smith S.S., Sunstein C.R., Tabri N., Tucker J.A., Linden S. van der, Lange P. van, Weeden K.A., Wohl M.J.A., Zaki J., Zion S.R., Willer R. Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. Pp. 460–471. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>
- Vergès P. L'Evocation de l'argent: Uneméthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de Psychologie*. 1992. No. 45 (405). Pp. 203–209.
- WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 // WHO. 2020, 11 March. URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (accessed: 20.02.2021).
- Witte K., Meyer G., Martell D. Effective Health Risk Messages: A Step-by-Step Guide. Thousand Oaks: Sage, 2001. 224 p.
- Yang J.Z., Chu H. Who is Afraid of the Ebola Outbreak? The Influence of Discrete Emotions on Risk Perception // *Journal of Risk Research*. 2018. Vol. 21. No 7. Pp. 834–853. <https://doi.org/10.1080/13669877.2016.1247378>
- Zinchenko Yu.P., Zotova O.Yu. Security in the worldview of Russians // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014. Vol. 7. No. 1. Pp. 50–61. <https://doi.org/10.11621/pir.2014.0106>
- Zwart O. de, Veldhuijzen I.K., Elam G., Aro A.R., Abraham T., Bishop G.D., Voeten H.A.C.M., Richardus J.H., Brug J. Perceived Threat, Risk Perception, and Efficacy Beliefs Related to SARS and Other (Emerging) Infectious Diseases: Results of an International Survey // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2009. Vol. 16. No 1. Pp. 30–40. <http://doi.org/10.1007/s12529-008-9008-2>
- Zwart O. de, Veldhuijzen I.K., Elam G., Aro A.R., Abraham T., Bishop G.D., Richardus J.H., Brug J. Avian Influenza Risk Perception, Europe and Asia // *Emerging Infectious Diseases*. 2007. Vol. 13. No 2. Pp. 290–293. <http://doi.org/10.3201/eid1302.060303>

История статьи:

Поступила в редакцию: 28 февраля 2021 г.

Принята к печати: 10 мая 2021 г.

Для цитирования:

Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422–444. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>

Сведения об авторах:

Донцов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7432-3572>; eLIBRARY SPIN-код: 8842-2692. E-mail: a.dontsov@mail.ru

Зотова Ольга Юрьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (Екатеринбург, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-5607-6317>; eLIBRARY SPIN-код: 7479-3901. E-mail: oiambusheva@mail.ru

Тарасова Людмила Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (Екатеринбург, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3390-0454>; eLIBRARY SPIN-код: 4161-2240. E-mail: tarasovagu@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444

Research article

Social Representations of the Coronavirus at the Beginning of the Pandemic in Russia

Aleksandr I. Dontsov¹, Olga Yu. Zotova²✉, Lyudmila V. Tarasova²

¹Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya St, bldg 9, Moscow, 125009, Russian Federation

²Liberal Arts University – University for Humanities,
24A Surikov St, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

✉ oiambusheva@mail.ru

Abstract. The coronavirus outbreak is a global event that has bypassed national borders and affected the entire world. Therefore, examining social representations of can reveal the problems that structure people’s experiences in a particular social context. To identify social representations of the coronavirus, the authors conducted a survey within the territory of the Sverdlovsk region. The survey covered the period from March 11 to May 11, 2020. The data were collected in two stages: at the first stage, there were 31 confirmed cases of COVID-19 infection in Russia, but no cases had yet been recorded in the Sverdlovsk region; at the second stage, the number of cases reached 1952 in the Sverdlovsk region and 221 344 throughout the country. The study used the word association tests, The Semantic Differential Scale (V.F. Petrenko), The Psychic Activation Assessment Methodology (L.A. Kurgan and

T.A. Nemchin) and the questionnaire survey techniques. The findings showed that the significance of the coronavirus problem for the respondents varied in different periods of the pandemic. The core of the social representation is sustainable and coherent. It reflects the results of the media impact: death, panic. It also remains stable regardless of the time and involvement of the respondents in the pandemic. The potential alteration zone serves as a kind of ‘taming’ of knowledge about the coronavirus, the operationalization of the coronavirus perception content into the language of changes in a person’s everyday life – the coronavirus pandemic is understood as a ‘flu epidemic’ and the need for self-isolation is a ‘vacation’, an opportunity ‘to stay at home’. Observation of the immediate affective reaction of the respondents to the trigger ‘coronavirus’ uncovered the presence of emotional tension and the prevalence of negative experiences in them. The survey also showed that in the pandemic, being the main source of information and a means of communication, the media set trends for developing perceptions.

Key words: social representations, state of security, isolation, the pandemic, COVID-19, emotional state

Acknowledgements and Funding. The work was carried out under a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 16-18-00032-P “Personal trust and subjective well-being as the basis of the psychological safety of modern society”.

References

- APA. (2020). *Stress in America*. Retrieved February 20, 2021, from <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2020/report>
- Apostolidis, T., Fatima Santos, M. de, & Kalampalikis, N. (2020). Society Against Covid-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations, 3.1–3.14.
- Barry, J.M. (2004). *The Great Influenza: The Story of the Deadliest Pandemic in History*. New York: Viking Press.
- Bish, A., & Michie, S. (2010). Demographic and Attitudinal Determinants of Protective Behaviours during a Pandemic: A Review. *British Journal of Health Psychology*, 15(4), 797–824. <https://doi.org/10.1348/135910710X485826>
- Brewer, N.T., Weinstein, N.D., Cuite, C.L., & Herrington, J.E. (2004). Risk perceptions and their relation to risk behavior. *Annals of Behavioral Medicine*, 27(2), 125–130. https://doi.org/10.1207/s15324796abm2702_7
- Coli, E., Norcia, M., & Bruzzone, A. (2020). What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations, 7.1–7.29.
- Zwart, O. de, Veldhuijzen, I.K., Elam, G., Aro, A.R., Abraham, T., Bishop, G.D. ..., & Brug, J. (2009). Perceived Threat, Risk Perception, and Efficacy Beliefs Related to SARS and Other (Emerging) Infectious Diseases: Results of an International Survey. *International Journal of Behavioral Medicine*, 16(1), 30–40. <http://doi.org/10.1007/s12529-008-9008-2>
- Zwart, O. de, Veldhuijzen, I.K., Elam, G., Aro, A.R., Abraham, T., Bishop, G.D. ..., & Brug, J. (2007). Avian Influenza Risk Perception, Europe and Asia. *Emerging Infectious Diseases*, 13(2), 290–293. <http://doi.org/10.3201/eid1302.060303>
- Dryhurst, S., Schneider, C.R., Kerr, J., Freeman, A.L.J., Recchia, G., Bles van der, A.M. ..., & Linden, S. van der. (2020). Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*, 23(7–8), 994–1006. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758193>

- Emel'yanova, T.P. (2001). The Social Representation – the Meaning and Concept: The Findings of the Past Decade. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 22(6), 39–47. (In Russ.)
- Emiliani, F., Contarello, A., Brondi, S., Palareti, L., Passini, S., & Romaioli, D. (2020). Social Representations of “Normality”: Everyday Life in Old and New Normalities with Covid-19. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations, 9.1–9.36.
- Fasanelli, R., Piscitelli, A., & Galli, I. (2020). Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations, 8.1–8.36.
- Fischhoff, B., Wong-Parodi, G., Garfin, D.R., Holman, E.A., & Silver, R.C. (2018). Public Understanding of Ebola Risks: Mastering an Unfamiliar Threat. *Risk Analysis*, 38(1), 71–83. <http://doi.org/10.1111/risa.12794>
- Försterling, F. (2001). *Attribution: An introduction to theories, research and applications*. Hove: Psychology Press.
- Hewstone, M. (1989). *Causal attribution: From cognitive processes to collective beliefs*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hogenraad, R. (2017). Smoke and mirrors: Tracing ambiguity in texts. *Digital Scholarship in the Humanities*, 33(2), 297–315. <https://doi.org/10.1093/llc/fqx044>
- Howarth, C. (2002). Identity in whose eyes?: The role of representations in identity construction. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 32(2), 145–162. <https://doi.org/10.1111/1468-5914.00181>
- Joffe, H. (1999). *Risk and “the other”*. Cambridge: University Press.
- Joffe, H., Washer, P., & Solberg, C. (2011). Public engagement with emerging infectious disease: The case of MRSA in Britain. *Psychology & Health*, 21(6), 667–683. <https://doi.org/10.1080/08870441003763238>
- Jovchelovitch, S. (2008). The rehabilitation of common sense: Social representations, science and cognitive polyphasia. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 38(4), 431–448. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00378.x>
- Justo, A.M., Silva Bousfield, A.B. da, Giacomozzi, A.I., & Camargo, B.V. (2020). Communication, Social Representations and Prevention – Information Polarization on COVID-19 in Brazil. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic’s Reality and Social Representations, 4.1–4.18.
- Kalyukov, E. (2020, January 31). V Rossii vyyavili pervykh zarazhennykh koronavirusom iz Kitaya. *RBC*. (In Russ.) Retrieved February 20, 2021, from <https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308>
- Leiserowitz, A. (2006). Climate Change Risk Perception and Policy Preferences: The Role of Affect, Imagery, and Values. *Climatic Change*, 77(1–2), 45–72. <https://doi.org/10.1007/s10584-006-9059-9>
- Moliner, P., & Bovina, I. (2019). Architectural Forms of Collective Memory. *International Review of Social Psychology*, 32(1), 12. <http://doi.org/10.5334/irsp.236>
- Moscovici, S. (1988). Notes towards a description of social representations. *European Journal of Social Psychology*, 18(3), 211–250. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420180303>
- Musil, R. (1990). *Precision and Soul: Essays and Addresses*. Chicago: University of Chicago Press.
- Office of the Federal Service for the Protection of Consumer’ Rights and Human Wellbeing in the Sverdlovsk region. (2020, June 16). *Informatsionnyi byulleten' po zabolevaemosti novoi koronavirusnoi infektsiei v Sverdlovskoi oblasti na 16.06.2020 g.* (In Russ.) Retrieved February 20, 2021, from <http://www.66.rosпотrebнадзор.ru/>

- Pizarro, J.J., Cakal, H., Méndez-Casas, L., Costa da, S., Zumeta, L., Gracia-Leiva, M. ..., & Cavalli, S. (2020). Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations, 2.1–2.38.
- Poletti, P., Ajelli, M., & Merler, S. (2011). The Effect of Risk Perception on the 2009 H1N1 Pandemic Influenza Dynamics. *PLoS One*, 6(2), e16460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016460>
- Prati, G., & Pietrantonio, L. (2016). Knowledge, Risk Perceptions, and Xenophobic Attitudes: Evidence from Italy during the Ebola Outbreak. *Risk Analysis*, 36(10), 2000–2010. <https://doi.org/10.1111/risa.12537>
- Prati, G., Pietrantonio, L., & Zani, B. (2011). A Social-Cognitive Model of Pandemic Influenza H1N1 Risk Perception and Recommended Behaviors in Italy. *Risk Analysis*, 31(4), 645–656. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2010.01529.x>
- Prentice, T., & Reinders L. T. (2007). A More Secure Future: Global Public Health Security in the 21st century: Report on the State of the World Public Health Care. Geneva: WHO. (In Russ.)
- Pronina, E.E. (2002). *Psikhologicheskaya ekspertiza reklamy: Teoriya i metodika psikhotehnicheskogo analiza reklamy*. Moscow: RIP-holding, 2002. (In Russ.)
- Reluga, T.C. (2010). Game Theory of Social Distancing in Response to an Epidemic. *PLoS Computational Biology*, 6(5), e1000793. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000793>
- Rudisill, C. (2013). How Do we Handle New Health Risks? Risk Perception, Optimism, and Behaviors regarding the H1N1 Virus. *Journal of Risk Research*, 16(8), 959–980. <https://doi.org/10.1080/13669877.2012.761271>
- Sitto, K., & Lubinga, E. (2020). A Disease of Privilege? Social Representations in Online Media about Covid-19 among South Africans during Lockdown. *Papers on Social Representations*, 29(2): Special issue: Social Representations of Covid-19: Rethinking the Pandemic's Reality and Social Representations, 6.1–6.29.
- Slovic, P. (1992). Perception of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm. In D. Goldingand & S. Krimsky (Eds.), *Theories of Risk* (pp. 117–152). New York: Praeger.
- Slovic, P. (2010). *The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception*. New York: Routledge.
- Sotsium. (2020, May). *Otnoshenie naseleniya Ekaterinburga k situatsii samoizolyatsii i planam vykhoda iz nee*. (In Russ.) Retrieved February 20, 2021, from <https://fsocium.com/coronacrisis-plans/>
- Thilliez, F. (2016). *Pandemiya*. Moscow: Azbuka-Attikus Publ. (In Russ.)
- Trope, Y., & Liberman, N. (2010). Construal Theory. *Psychological Review*, 117(2), 440–463. <https://doi.org/10.1037/a0018963>
- Bavel, J.J. van, Baicker, K., Boggio, P., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M. ..., & Willer, R. (2020). Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response. *Nature Human Behaviour*, 4, 460–471. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>
- Linden, S. van der. (2015). The Social-Psychological Determinants of Climate Change Risk Perceptions: Towards a Comprehensive Model. *Journal of Environmental Psychology*, 41, 112–124. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.11.012>
- Linden, S. van der. (2017). Determinants and Measurement of Climate Change Risk Perception, Worry, and Concern. In M.C. Nisbet, M. Schafer, E. Markowitz, S. Ho, S. O'Neill, J. Thaker (Eds.), *Oxford Research Encyclopedia of Climate Science* (pp. 1–49). Oxford: Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2953631>

- Vergès, P. (1992). L'Evocation de l'argent: Uneméthode pour la définition du noyau central d'une representation. *Bulletin de Psychologie*, 45(405), 203–209. (In French.)
- WHO. (2020, March 30). *WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19*. Retrieved February 20, 2021, from <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>
- Witte, K., Meyer, G., & Martell, D. (2001). *Effective Health Risk Messages: A Step-by-Step Guide*. Thousand Oaks: Sage.
- Yang, J.Z., & Chu, H. (2018). Who is Afraid of the Ebola Outbreak? The Influence of Discrete Emotions on Risk Perception. *Journal of Risk Research*, 21(7), 834–853. <https://doi.org/10.1080/13669877.2016.1247378>
- Zinchenko, Yu.P., & Zotova, O.Yu. (2014). Security in the worldview of Russians. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(1), 50–61. <https://doi.org/10.11621/pir.2014.0106>

Article history:

Received: 28 February 2021

Revised: 30 April 2021

Accepted: 10 May 2021

For citation:

Dontsov, A.I., Zotova, O.Yu., & Tarasova, L.V. (2021). Social representations of the coronavirus at the beginning of the pandemic in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(2), 422–444. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>

Bio notes:

Aleksandr I. Dontsov, D.Sc. in Psychology, Full Professor, is Professor at Social Psychology Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7432-3572>; eLIBRARY SPIN-code: 8842-2692. E-mail: a.dontsov@mail.ru

Olga Yu. Zotova, D.Sc. in Psychology, Associate Professor, is Professor at Social Psychology Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-5607-6317>; eLIBRARY SPIN-code: 7479-3901. E-mail: oiambusheva@mail.ru

Lyudmila V. Tarasova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor at General and Applied Psychology Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3390-0454>; eLIBRARY SPIN-code: 4161-2240. E-mail: tarasovagu@mail.ru